

Валентин Яковенко

**Томас Мор (1478-1535).
Его жизнь и общественная
деятельность**

Жизнь замечательных людей

Валентин Яковенко

**Томас Мор (1478-1535). Его
жизнь и общественная
деятельность**

«Public Domain»

Яковенко В. И.

Томас Мор (1478-1535). Его жизнь и общественная деятельность / В. И. Яковенко — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

Содержание

Глава I. Шестнадцатый век и рождение капитализма	6
Глава II. Гуманисты и характеристика Томаса Мора, сделанная Эразмом Роттердамским	10
Глава III. Томас Мор в частной жизни	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валентин Яковенко

Томас Мор (1478—1535). Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк В. И. Яковенко

С портретом Томаса Мора, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. Шестнадцатый век и зарождение капитализма

Реформация. – Общественный переворот. – Зарождение капитализма. – Появление «Утопии». – Экономическое положение Англии в XV и XVI веках и условия капиталистического производства. – Реформация и экономический индивидуализм.

Жестокий XVI век, этот вовсе не гуманный век гуманизма, имеет в высшей степени важное значение в истории развития современной цивилизации. В ту именно пору совершились события, наложившие печать на весь последующий ход общечеловеческой истории, события, все значение и содержание которых до сих пор не исчерпано еще жизнью народов, выступивших на путь прогрессивного развития. И кто знает, сколько еще веков человечеству предстоит двигаться по направлению, впервые наметившемуся в многознаменательный XVI век! Всякому школьнику известно, что это – век Реформации, возведенной Лютером; но не всякий понимает, что Реформация Лютера была всего лишь первым актом великой общечеловеческой драмы, первым актом в деле отрешения от авторитетов и признания прав личности на самостоятельное, независимое существование. Карлейль совершенно справедливо говорит, что вторым актом той же драмы была английская Реформация, даровавшая английскому народу «Habeas corpus»¹, третьим – Великая французская революция, а остальные акты еще впереди. Но не только школьникам, а быть может, и многим жрецам рутинной науки неизвестно, что тому же XVI веку суждено было узреть первые ростки современного экономического строя, пробившиеся на свет и простор из неведомых недр человеческой жизни. Как бы мы ни смотрели на историю, с экономической или идеологической точки зрения, все равно мы неизбежно должны будем признать, что Реформация представляет поворотный момент в развитии западноевропейских народов. Несколькими столетиями раньше начали формироваться уже общественные силы, которые должны были на своих плечах вынести великое освободительное движение, ниспровергшее суеверное и беспроглядное рабство Средних веков. Впереди шла Италия: здесь развернулась мировая, по тогдашнему времени, торговля; здесь образовались самостоятельные и полные жизненной энергии городские центры; здесь независимое городское сословие, богатая, становилось все более и более могущественным фактором социальной жизни; здесь же, наконец, обратились впервые к античному миру, знакомство с которым произвело полную революцию в господствовавшем тогда миросозерцании. Но, в сущности, тот же процесс совершался и на всей западной половине европейского материка: повсюду феодализм приходил в упадок и центр жизни переносился в города; складывались, правда еще sporadически, новые экономические организации – мануфактуры. Крушение феодализма идет рука об руку с прогрессивным ростом единоличной королевской власти, начинающей выступать также и противницей папского всемирного единовластия. Великие открытия: водного пути в Индию, Америки – действуют в высшей степени возбуждающе на указанные общественные процессы. Таким образом, на сцене всемирной истории после многовековой спячки завязывается, можно сказать, титаническая борьба различных общественных сил, борьба, последнее слово в которой еще до сих пор не сказано. Авторитетное начало рутины, в лице папства и католицизма, противостоит свободе совести и свободному исследованию, воплощенным в Реформации и гуманизме; феодальный замок, эта несколько романтическая эмблема средневековой жизни, – прозаически буржуазному городу; домашнее производство и внутреннее потребление – мануфактуре и всемирному рынку. Эта борьба отживающего старого с нарас-

¹ Закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 году.

тающим новым сопровождалась страшной жестокостью, чем, между прочим, и объясняется странное при поверхностном взгляде явление, которое заключается в том, что век гуманистов вовсе не был веком гуманизма. В настоящем случае для нас представляет особенный интерес экономическая подкладка указанной борьбы, а в частности, экономические условия жизни в Англии.

Беспорные авторитеты в политической экономии утверждают, что «начало переворота, создавшего основание для капиталистического способа производства, произошло в последней трети XV и в первые десятилетия XVI столетия». В это же время была написана Томасом Мором знаменитая «Утопия». Таким образом, зарождение капиталистического строя производства, со всеми его беспощадными гекатомбами и низведением рабочего человека на степень бездушной машины, совпадает с появлением если не первой, то во всяком случае совершенно своеобразной мечты о благополучном устройстве человеческой жизни здесь, на земле. Правда, человечество искони веков мечтает о счастье, но в разные эпохи оно подходит к этому вопросу с различных точек зрения. Так, Магомет сулит счастье правверным в загробной жизни: там их ожидают райские рощи, мраморные дворцы, фонтаны, шелковые одеяния, бриллианты, роскошные вина, изысканные лакомства; но все это еще пустяки по сравнению с гуриями, черноокими девами: даже самому последнему правверному будет полагаться не меньше семидесяти двух дев, и притом не каких-нибудь, а одаренных ослепительной красотой, прелестью юности, девственной чистотой и самонежнейшею чувствительностью... Другие, как, например, Платон, проектировали земное благополучие, но они думали о благополучии только кучки избранных, оставляя массу народа в рабском состоянии. Наконец, как во времена Томаса Мора, так и раньше являлось немало реформаторов, проповедовавших общее братство и убеждавших людей, что только в таком братстве они могут найти счастье, но все они стояли обыкновенно на религиозной почве и искали разрешения вопроса об общечеловеческом счастье не в полноте человеческой жизни, а в отрешении от земных благ и самоограничении. Томас Мор резко выделяется из всей этой группы мечтателей: он, как мы увидим в своем месте, допускает возможность счастья здесь, на земле, и надеется обеспечить это счастье всем людям. Вообще «Утопия» построена на земной, *экономической* основе; поэтому-то появление ее именно в тот момент, когда в экономическом складе общества совершался переворот и нарождался в высшей степени прозаический век капитализма, представляет крайне любопытное явление. Остановимся же несколько на положении рабочих классов Англии в XV и XVI столетиях.

Как ни странно, а приходится признать, что золотой век английского рабочего – это преддверие капитализма; даже более того – что первые капиталистические «бактерии» обнаруживают свою деятельность именно в эту счастливую эпоху. Роджерс, написавший классическое историческое исследование о труде и заработной плате, говорит, что в XV и даже в начале XVI столетия заработная плата по своей покупательной силе стояла выше чем когда-либо. Уже во второй половине XIV века парламент издал и затем постоянно возобновлял так называемые рабочие статуты, направленные против рабочих и в пользу землевладельцев. Закон открыто защищал лендлордов от «притязаний» земледельцев. Так, запрещалось давать рабочим выше известной платы под угрозой штрафа; затем, всякому рабочему, оставившему своевольно работу, угрожало тюремное заключение; всякий рабочий, не достигший шестидесятилетнего возраста и не занятый известными указанными в статутах производствами, уклоняясь от работы, по требованию землевладельца также попадал в тюрьму. Однако рабочие были действительными господами своего положения, и все эти меры оставались на бумаге; сами землевладельцы постоянно нарушали закон и платили больше, чем полагалось по статутам. Но в XVI веке картина резко меняется, и рабочие, как замечает Торнтон, без всякого перехода низвергаются из золотого века в железный.

Капиталистическое производство может развиваться только при условии отделения производителя от средств производства, отделения, благодаря которому, с одной стороны, общественные средства существования и производства обращаются в капитал, а с другой – непосредственный производитель превращается в наемного рабочего. «С первого же взгляда видно, – говорит автор известного исследования о капитале, – что этот процесс отделения включает в себе целый ряд исторических процессов, притом двойной ряд: с одной стороны, уничтожение отношений, делающих самого работника собственностью третьего лица и средством производства, которое можно присваивать, с другой стороны, уничтожение права собственности непосредственных производителей на их средства производства». И затем несколько ниже: «В процессе отделения историческое значение имеют те моменты, когда громадные массы людей вдруг и насильственно отторгались от своих средств производства и существования и бросались на рабочий рынок как свободные пролетарии».

В XIV и XV столетиях главную массу трудящегося люда в Англии составляли свободные крестьяне, имевшие собственные хозяйства; даже наемные земледельческие рабочие получали коттедж с четырьмя и более акрами земли и, кроме того, пользовались наравне с прочими крестьянами разными общинными угодьями. При таких условиях могло процветать народное, но не капиталистическое богатство. Так оно и было в действительности: это был своего рода золотой век английского земледельца-труженика. Но в конце того же XV столетия и в начале XVI благодаря уничтожению феодальных дворовых на рынок труда было выброшено «громадное число пролетариев, свободных, подобно птицам», то есть начался именно тот процесс, следствием которого должно было стать развитие капиталистических отношений. Настала эпоха насильственных изгнаний крестьян с насиженных ими мест, и началась узурпация крестьянских общинных земель. Собственники старались привести по возможности большее количество культурных земель в некультурное состояние, чтобы использовать их как пастбища для овец. Крестьяне должны были уступать свои места овцам: того требовал спрос на шерсть; и они уступали, и жилища их разорялись, и сами они безжалостно выбрасывались на все четыре стороны.

Так властно заявила о себе на первых же порах капиталистическая тенденция. Мы не станем следить за ее дальнейшими успехами; заметим только, что последовавшие вскоре закрытие монастырей, колоссальное расхищение церковных имений, конфискация цеховых имуществ содействовали все тому же процессу отделения производителя от средств производства. На первых порах правительство было как бы озадачено таким резким переворотом; оно не могло еще сознательно проникнуться новой капиталистической тенденцией, так как последняя еще не оформилась в какое-нибудь определенное учение, и приняло некоторые меры против расхищения общинных земель и вытеснения людей овцами. Так, при Генрихе VII (1489 год) был издан закон, которым запрещалось разрушать крестьянские хозяйства, имевшие больше 20 акров земли. При Генрихе VIII было определено соотношение между размерами хлебопашества и пастбищами, повелено восстановить дома фермеров, пришедшие в упадок, и так далее. Подобные акты издавались и возобновлялись в течение довольно продолжительного времени, но они, конечно, не могли затормозить пагубного для населения процесса, так как процесс этот был в интересах класса, начинавшего уже играть выдающуюся роль в общественной жизни Англии. Таким-то образом создались свободные рабочие руки. На первых порах их оказалось слишком много: народившаяся мануфактурная промышленность не могла занять всех. Отсюда – бродяжничество, нищенство и разбой, охватившие Англию с конца XV века. Правительство отвечало на них суровым и жестоким законодательством, надеясь таким путем возвратить рабочие руки к труду и заставить их, как замечает иронически цитированный нами ранее автор, работать при не существовавших уже условиях.

Такова в самых общих чертах картина экономического положения Англии в то время, когда Томас Мор написал «Утопию», в которой читатель найдет между прочим указания на те же обстоятельства. Я не имею возможности остановиться на ней более подробно, но и изложенного, полагаю, достаточно для подтверждения высказанной мною мысли, что появление Морова проекта общечеловеческого благополучия, построенного на экономической основе, совпадает с рождением капиталистических отношений.

Итак, XVI век, восставший против лживых церковных авторитетов и провозгласивший свободу совести, был вместе с тем и веком рождения капитализма, по крайней мере в классической стране капиталистического производства. Но ведь капитализм представляет собой также известного рода освободительное движение, и мы знаем из истории, что принципы свободы и отрицания авторитетов, выставленные Реформацией, в последующее затем время были перенесены из религиозной в иные сферы общественной жизни и повсюду произвели перевороты. Поэтому сопоставление нарождающегося капитализма и нового протестантского верования, вероятно, на самом деле не так произвольно, как может казаться на первый взгляд. Конечно, нельзя сказать, что Реформацию породил капитализм или что этот последний был порожден Реформацией; подобные шаблоны в действительности оказываются никуда не годными. Но что Реформация обуславливается, по крайней мере отчасти, теми же экономическими условиями, которые породили на свет божий и капитализм, в этом не может быть сомнения. Стоит только вспомнить всю массу народных волнений и возмущений, предшествовавших Реформации и последовавших за нею, носивших несомненно экономический характер, чтобы убедиться, насколько сама Реформация была результатом совершившегося в то время общественно-экономического переворота. Так как ниже нам придется иметь дело с гуманистом, то, быть может, небезынтересно будет привести здесь мнение гуманиста Гуттена, который совершенно ясно высказывает экономическую точку зрения на папство, а следовательно, выдвигает и экономические причины борьбы с ним. В диалоге «Вадиск», появившемся в 1520 году, Гуттен говорит: «Взгляните на это громадное складочное место земного шара, куда стаскивают все, что удастся наgrabить во всех странах: в центре его сидит ненавистный червь, истребляющий множество плодов; он окружен бесчисленной толпой прожор, которые сперва высосали из нас кровь, затем принялись терзать наше тело, теперь они добрались до мозга наших костей, чтобы уничтожить все, что еще осталось. Неужели немцы не возьмутся за оружие, неужели они не бросятся на них с огнем и мечом? Эти расхитители нашего отечества, которые раньше грабили лишь с жадностью, теперь же грабят еще и с наглостью нации, повелевающей миром, откармливаются потом и кровью немецкого народа, набивают себе чрево и питают свои похоти внутренностями бедных. Мы им даем золото; они на наш счет держат лошадей, собак, мулов, содержат женщин и мальчиков для удовлетворения позорных страстей! На наши деньги воспитывают свою злобу, весело проводят жизнь, украшают золотом своих мулов и лошадей, строят дворцы из чистого мрамора».

Можно сказать, что Лютер со своею Реформацией завершил развитие известного цикла идей, порожденных данными общественно-экономическими отношениями, и, установив известный принцип, явился точкой опоры для дальнейшего движения; тогда как Томас Мор, присутствуя при зарождении нового капиталистического порядка, схватывает его кульминационный пункт и рисует нам его антитезу, рисует то, что тогда представлялось утопией, но что со временем, в силу естественного хода вещей, должно стать, в том или ином виде, насущной злобой дня.

Глава II. Гуманисты и характеристика Томаса Мора, сделанная Эразмом Роттердамским

Развитие гуманизма. – Отношения гуманистов к властям и религии. – Различия между гуманистами и религиозными реформаторами. – Эразм Роттердамский. – Характеристика Томаса Мора.

Гуманизм возник в Италии; первыми провозвестниками его были Данте, Петрарка, Боккаччо. В XV и XVI столетиях он разлился уже по всем центрам западноевропейской цивилизации, проник во Францию, Германию, Англию и подготовил более решительный натиск на отжившие в ту пору учреждения – Реформацию. Первые гуманисты, увлеченные духом античной цивилизации, мечтали перенести ее на новую почву; но они не становились в резкую, непримиримую оппозицию с существовавшим строем общественной жизни; они нападали на монахов и разврат, царивший среди католического духовенства, но оставались сами католиками; они уживались как с папами, так и с государями; многие из них даже получили доходные церковные должности. Они писали по-латыни, и потому их вольнодумства были доступны лишь небольшому, избранному кругу людей. В сфере мысли гуманисты проповедовали отрешение от мертвящей схоластики Средних веков; в сфере религии, в то же время оставаясь верными основам католической церкви, – отрешение от всякого пустосвятства и нетерпимости, жестокости и самодовлеющего аскетизма; в сфере нравственности – свободу, непринужденность, простоту; в сфере политической они стояли обыкновенно на стороне просвещенной авторитетной власти. Но чем шире разливался гуманизм и чем глубже проникал в общественную жизнь, тем он принимал все более и более боевой характер. В лице Гуттена гуманизм, подобно Реформации, становится уже прямо в боевое положение. Так, Гуттен в одном из своих памфлетов восклицает: «Подымитесь же, благочестивые немцы; у нас много копий и оружия; мирные требования не помогают; возьмемся за мечи, истребим ложь, чтобы сияла правда». Но подобные речи говорились, когда Реформация уже зажгла сердца людские и двинула целые толпы народа на борьбу за свое духовное освобождение. Весьма поучительно и многозначительно это различие между гуманистами и реформаторами. Первые напоминают скорее современный тип просвещенных и свободомыслящих POSSИБИЛИСТОВ, а вторые – тип людей революционного склада. И любопытно, в то время как Реформация провела навеки неизгладимую черту в социальной жизни народов, гуманизм прошел, точно какая-то прелестная мечта. Я не хочу этим сказать, что гуманизм не имел влияния на ход развития западноевропейской цивилизации; я говорю лишь, что он не наложил на нее своей своеобразной печати; он вскормил, так сказать, Реформацию, но сам в себе не заключал достаточно боевых жизненных элементов, чтобы ниспровергнуть средневековый строй жизни. Веселым, любезным, приветливым и вообще жизнерадостным гуманистам не доставало суровой энергии, непреклонной последовательности, отваги, черпающей силы обыкновенно в *религиозном настроении* человека, не доставало именно того, что вообще необходимо, а в особенности было необходимо в жестокие Средние века для всякого общественного преобразователя. Весьма типична в этом отношении личность главы всех гуманистов Эразма Роттердамского (1469—1536). Его нелюбовь к решительным действиям и смелым поступкам обнаруживается даже в его отношении к единомышленникам. Так, он отказался принять и приютить у себя Гуттена, бежавшего из Германии после одного вооруженного восстания, и последнего укрыл Цвингли. Затем, узнав о казни Мора и Фишера, он пишет: «Если бы погибшие спросили моего мнения, я им посоветовал бы не кидаться в открытую борьбу с грозой. Гнев королей – жестокий гнев. Он обрушивается со страшной силой на тех, кто дерзает вызывать его. Бешеных лошадей укрощают не противодействием,

а ласковым обхождением. Благоразумный кормчий не станет бороться с бурей; напротив, он поспешит уйти от нее, лавируя и становясь на якорь в ожидании более благоприятной погоды... Кто служит королю, должен скрывать многое, и если он не в силах склонить короля на свою сторону, то должен, во всяком случае, овладеть своими страстями... Но, скажут, человек должен также уметь умереть за истину. Нет, отвечаю я, не за всякую...»

В Англии среди гуманистов выделялись особенно Джон Колет и Томас Мор. Последний приобрел мировую известность. На чем она держится, мы узнаем подробно ниже. Но здесь мы считаем уместным дать общий абрис этого поистине великого человека и еще более, быть может, великого характера и воспользуемся для этой цели прелестным портретом Томаса Мора, нарисованным другом его Эразмом в письме к Гуттену, написанном в ответ на просьбу последнего описать личность Мора. По недостатку места мы не можем привести этого письма целиком, но передадим все существенное, сохраняя по возможности простой, неподдельный тон дружеского описания, в котором личность Томаса Мора выступает весьма рельефно.

«Мор не велик ростом, но и не слишком мал, — пишет Эразм. — Он сложен вполне пропорционально и не страдает никакими физическими недостатками. Кожа на лице у него белая, с нежно-розоватым оттенком; волосы черные, переходящие в шатеновый; борода редкая; глаза — синевато-серые с пятнышками; такие глаза указывают обыкновенно на выдающийся ум и считаются у англичан особенно красивыми. Его лицо часто озаряется улыбкой, и вообще оно служит верным зеркалом его внутренних качеств, его веселого и любезного нрава. Действительно, Мор скорее веселый человек, чем серьезный, степенно-важный муж. В его фигуре обращает на себя внимание правое плечо, которое кажется несколько приподнятым, что в особенности заметно, когда он ходит; но это не врожденный недостаток, а дело привычки. Вообще в его внешности нет ничего неприятного, кроме разве непропорциональных грубых рук; но Мор мало заботился о внешности даже в дни своей юности. Он пользуется хорошим здоровьем, хотя нельзя сказать, чтобы отличался особенно крепким сложением; но во всяком случае у него хватает сил для выполнения трудов, приличествующих честному гражданину. Мы можем надеяться на его долговечность, так как отец его, несмотря на преклонный возраст, до сих пор еще весьма бодрый старик.

Я не видал человека, который был бы так нетребователен в пище, как Мор. Он усвоил от отца привычку пить только чистую воду, а чтобы не нарушать веселой компании, он обыкновенно обманывал своих гостей и пил заодно с ними из своего металлического кубка, но не вино, а легкое пиво или чистую воду. Он предпочитал мясо, соленую рыбу, простой хлеб самым изысканным блюдам, хотя и не налагал на себя при этом никаких обетов и не отказывал себе в том, что приходилось ему особенно по вкусу; так, он очень любил молочные кушанья, фруктовое варенье, яйца и так далее.

Голос у него не сильный и не слабый; он говорит отчетливо, ясно. Он, по-видимому, не чувствует особенной любви к пению, но музыка доставляет ему большое наслаждение.

Он любит простоту, не носит ни шелка, ни пурпура, ни золотых цепей. Просто изумляешься, как мало он заботится о разных формальностях, которые толпа считает вежливостью и приличием, и не потому, чтобы он не знал их; нет, он смотрит на них просто как на бабье дело и находит недостойным мужчины тратить время на подобные пустяки. Он долго держался вдали от двора и государей, так как деспотизм был ему издавна ненавистен и он всегда любил больше всего равенство. Вот почему только после больших стараний и усилий Мор позволил Генриху VIII привлечь себя ко двору.

Мор как бы создан для дружбы. Он крайне отзывчив на дружеские чувства, обнаруживаемые к нему, не слишком педантичен в выборе друзей, снисходителен к ним и весьма постоянен в своих отношениях. Он никогда не порывает с друзьями резко, а предоставляет

дружбе умирать медленно, естественной смертью. Он считает величайшим благом, мыслимым для человека, дружбу с людьми одинакового с ним образа мыслей.

Мор питает отвращение к игре в карты, кости и тому подобным играм. К собственным интересам он относится беспечно, но зато весьма заботливо охраняет интересы своих друзей».

Но что сказать еще, спрашивает Эразм и продолжает:

«В обыденных сношениях с людьми Мор всегда весел и держит себя непринужденно: как бы велика ни была грусть человека, он забывает о ней, беседуя с Мором. Еще ребенком он находил большое удовольствие в шутках и играх, но его шутки никогда не выходили вульгарными или оскорбительными. Юношей он писал комедии и сам принимал участие в игре; тщательно отделял свои эпиграммы и находил особенное удовольствие в чтении Лукиана. Он и меня подбил написать „Похвалу глупости“ (сатиру), то есть заставил меня плясать по верблюжьему. Даже в самых серьезных делах он находил поводы для своей веселой шутки. Глупейший человек и тот несколько не шокирует его; он умеет входить в настроение каждого. С женщинами и даже со своей супругой он вечно шутит. Ты бы легко мог принять его за второго Демокрита или, еще скорее, за того пифагорейца-философа, который беззаботно и праздно рассказывает по рынку и, улыбаясь, поглядывает на всеобщую суету. Мнение толпы над ним не имеет никакой силы, но вместе с тем нет человека более доступного и добродушного, чем он.

Одно из любимых занятий Мора – наблюдение над животными; он следит с большим интересом за их умственной деятельностью и душевными движениями. Его дом переполнен животными всяких пород, и он бывает очень доволен, когда видит, что его животные доставляют удовольствие гостям.

В юности Мор далеко не был женоненавистником; однако он охотнее пользовался расположением тех женщин, которые шли ему навстречу, чем тех, сердца которых надо было еще завоевывать; и вообще он своими поступками не подал ни малейшего повода к злословию и клевете. Но половые отношения не представляли для него прелести, если они не сопровождались общностью высших, умственных интересов.

Он рано обратился к изучению классической литературы; греческих авторов и философию он изучал еще юношей, против воли своего отца, в других отношениях порядочного и разумного, но желавшего, чтобы сын пошел непременно по его стопам и сделался ученым юристом. Мор же был рожден для лучшего и потому совершенно естественно питал отвращение к правоведению; однако, познавшись немного, он достиг и в этой области такого совершенства, что тяжущиеся обращались к нему охотнее, чем к кому бы то ни было другому из адвокатов, и никто из его коллег, посвятивших себя исключительно адвокатской деятельности, не зарабатывал более его. Так велики были его способности и проницательность. Но не удовлетворяясь этим, он посвящал немало времени изучению отцов церкви и всей душой предавался набожным делам. Он старался посредством ночных бдений, постов, молитв и всякого рода подобных упражнений подготовить себя к священническому сану. Лишь одно препятствие стояло на избранном им пути: он никак не мог побороть в себе желание иметь жену и в конце концов предпочел лучше быть добродетельным мужем, чем развратным священником. Он женился на неопытной и необразованной девушке, почти ребенке, из благородной семьи и дал ей научное и музыкальное образование по своему вкусу. Он мог бы прожить с нею всю свою жизнь вполне счастливо, если бы ранняя смерть не похитила ее после того, как она родила ему нескольких детей. Мор недолго оставался вдовым, и, быть может, в этом случае на него имели влияние советы друзей. Через несколько месяцев он женился на вдове, скорее из-за хозяйственных соображений, чем ради ее прелестей, так как она не была ни молода, ни хороша собою, как о ней обыкновенно отзывался сам Мор. Но он живет с нею так хорошо, как если бы она была невесть какая красавица. Едва ли найдется еще

другой муж, который пользовался бы со стороны своей жены таким же вниманием и послушанием, а между тем он достиг всего этого не строгостью, а добротой и шутками. С такой же добротой он руководит своими детьми и домочадцами. В его доме нет места семейным драмам и дразгам: он умеет подавлять их в самом зародыше. Немного найдется сыновей, которые с родной матерью уживались бы так хорошо, как он со своей мачехой. Недавно его отец женился в третий раз, и Мор всех уверяет, что он никогда еще не видел женщины лучше этой, третьей жены его отца.

Мору совершенно чужды всякие стремления к грязной наживе; из своих доходов он откладывает часть для детей, а остальное раздает щедрой рукой. Во время своей адвокатской практики он охотно давал бесплатные советы лицам, обращавшимся к нему, и в своих дружеских и всегда дельных указаниях обнаруживал больше заботливости об их выгоде, чем о своих собственных интересах.

В течение нескольких лет Мор был в Лондоне судьей по гражданским делам; эта служба не тяжелая, но весьма почетная. Никто не рассмотрел столько жалоб, сколько он, и никто не был бескорыстнее его. Совершенно естественно поэтому, что он сделался скоро всеобщим любимцем в городе. Мор думал удовольствоваться таким положением; но его дважды заставили принять участие в посольстве, и он так успешно выполнил возложенные на него поручения, что его государь, Генрих VIII, до тех пор не успокоился, пока не перетянул его к себе. Да, именно „перетянул“, так как никто, быть может, не употреблял таких усилий, чтобы добиться доступа ко двору, как Мор, чтобы избежать его. Генрих задумал окружить себя целою толпою ученых, солидных, бескорыстных людей и прежде всего обратил внимание на Мора, причем так сблизился с ним, что не хотел потом расставаться. Идет ли речь о серьезных целях, не оказывается человека более опытного, чем Мор; пожелает ли король развлечь свой ум легкой болтовней, не находится более веселого собеседника, чем Мор. Но пребывание при дворе не сделало его гордым. Несмотря на массу дел, лежащих на нем, он не забывает старых друзей и не оставляет своих любимых научных занятий. Всю свою власть, все свое высокое положение, влияние на государя он употребляет лишь на пользу государства и на благо ближних. Одним он оказывает денежную помощь, других защищает своим влиянием, третьим помогает своими рекомендациями, а тех, кому он не может непосредственно помочь, он поддерживает по крайней мере советом. Никто не уходит от него огорченным. Можно сказать, что Мор – главный покровитель всех бедняков в государстве. Он радуется, как будто заключил невесть какую выгодную сделку, когда ему удастся помочь угнетенному или стесненному человеку и дать ему возможность выйти из затруднительного положения.

Теперь я перейду к его научным занятиям, которые сделали меня для него, а его для меня столь дорогим человеком. В юности он занимался поэзией, но скоро перешел к прозе, стараясь продолжительными и усиленными занятиями улучшить свой слог. Особенно охотно он писал рассуждения на необычные темы, чтобы таким образом изощрить свой ум. „Утопию“ он написал с целью показать, в чем следует искать причину дурного состояния государства, имея, впрочем, в виду главным образом Англию, которую он хорошо исследовал и изучил. Вторую книгу он написал в часы досуга; скоро присоединил к ней и первую, написанную, так сказать, за один присест. В диспутах он первый человек, и ему нередко случалось приводить в затруднительное положение даже выдающихся богословов. Джон Колет, человек проницательный и с выдающимися способностями, обыкновенно говорил, что в Англии есть один только гений, это – Мор, хотя в ней процветает и немало выдающихся умов.

Мор – искренно набожный человек, но он крайне далек от всякого суеверия. У него есть часы, когда он молится, но он молится не по одной привычке, а от полного сердца. С

друзьями он говорит о будущей жизни, и слова его проникнуты действительным убеждением и возвышенными надеждами. Таким же является он и при дворе».

Таков Томас Мор, таковы его внутренний мир и внешний облик. Этот прекрасный портрет делает для нас излишним синтез его жизни, разные стороны которой мы рассмотрим в последующих главах.

Глава III. Томас Мор в частной жизни

Учение. – Юность. – Борьба со страстями. – Увлечение Пико делла Мирандола. – Мысль о монашестве. – Первые литературные произведения. – Знакомство с Эразмом. – Сближение с гуманистами. – Женитьба. – Семейная жизнь. – Воспитание детей. – Дочь Маргарита. – Мор о женском образовании.

Томас Мор родился в 1478 году в Лондоне. Отец его, Джон Мор, занимал разные должности и под конец жизни был судьей королевской скамьи. Мать умерла во время родов, и Томас остался на попечении своего сурового и непреклонного отца. Первоначальное образование он получил в лондонском колледже Св. Антония, где обнаружил замечательные успехи и трудолюбие. Слухи о выдающихся способностях мальчика достигли кардинала Мортон, кентерберийского архиепископа и канцлера Англии; он взял его к себе в дом и занялся его образованием. Мор в течение всей жизни сохранял наилучшую память о кардинале и увековечил его имя в своей «Утопии». Кардинал радовался успехам подопечного и предсказывал ему блестящее будущее. Пятнадцати лет Томас поступил в Оксфордский университет, где изучал последовательно риторику, логику, философию и обнаружил замечательные успехи; он с пылом отдался наукам и удалялся от обычных забав своих сверстников. Даровитый юноша делал это не из любви к уединению; напротив, он любил общество, любил веселую, остроумную беседу, но ему приходилось поневоле держаться в стороне, так как забавы оксфордских студентов обходились обыкновенно недешево, а его честный отец не успел нажить богатства да и был несколько скуповат. Таким образом, первая юность Томаса протекла в атмосфере неравенства и бедности, что несомненно оказало значительное влияние на формирование его характера и ума. Желания были и у него, но ему приходилось дисциплинировать себя, и способность к дисциплине играет огромную роль во всей жизни Мора. Затем Мор по настоятельному желанию отца должен был заняться юридическими науками и, окончив высшую школу Линкольна, вышел ученым юристом.

Юность – это пора, когда пробуждаются все силы и стремления человека, как физиологические, так и нравственные, это момент как бы нового рождения, когда впервые обнаруживается определенно человек, обнаруживается его внутреннее существо. Обыкновенно говорят: увлечения свойственны юношам; но увлечения бывают разные не только по своей интенсивности, но и по своей сущности. Одни увлекаются разгулом и распутством, другие – идеалами правды и человеколюбия. И у тех, и у других жизнь бьет полной струей; но доброкачественность этих струй весьма различна. Томасу Мор, как и всякому живому юноше, пришлось выдержать сильный натиск вполне естественных страстей. И он боролся. Он облек свою борьбу, по обстоятельствам того времени, в религиозную и даже аскетическую форму, но это не должно маскировать от нас существа дела. В тяжелой борьбе еще недостаточно определившихся стремлений Томас Мор выбрал себе в руководители итальянского гуманиста Пико делла Мирандола. Ему было тогда 18 лет. Он написал стихами биографию этого своеобразного мистика-гуманиста и изложил стихами же его двенадцать правил для руководства в жизни. Любопытны в особенности двенадцать мечей, которыми можно защищаться от всякой скверны. Вот они: 1) поменьше наслаждений; 2) труд и грусть; 3) утрата того, что дороже всего; 4) земная жизнь – одна только мечта и призрак; 5) постоянная близость смерти и неизбежность ее; 6) страх умереть не раскаявшись; 7) вечная радость, вечная скорбь; 8) природа и достоинство человека; 9) мир доброй души; 10) великие благодеяния Бога; 11) скорбный крест Спасителя; 12) поведение мучеников и примеры святых. Но тело бунтовало против духа. Тогда Мор стал укрощать свою плоть разными лишениями. Он надел власяницу; над ним смеялись, но он стойчески переносил все насмешки. Он постился, проводил ночи без сна или спал всего четыре– пять часов в сутки; вообще он напрягал все

силы, чтобы не дать чувственности взять верх над разумом. Эти сообщения биографов противоречат утверждению Эразма о том, что Мор не избегал женщин. Однако достоверность их подтверждается тем фактом, что в эту пору Мор носился с мыслью о пострижении в монахи и прожил даже несколько лет при одном из лондонских картезианских монастырей; правда, он не давал обета, но принимал участие в службах и религиозных бдениях монахов. Кто прав в данном случае, решить мы, по недостатку вполне беспристрастных данных, не можем; но во всяком случае не правы те биографы из клерикального лагеря, которые видят в Томасе Море правоверного католика, бичующего свою плоть во имя аскетического идеала жизни и мистических внушений разума.

Дело было гораздо проще. Если Мор чуждался в юности женщин, то вовсе не потому, чтобы он считал их «нечистыми тварями», прикосновение к которым губит человека. Мор был чист душой, и не только в юности, но и в продолжение всей своей жизни; это – великий образец человека, живущего по совести; в своем месте мы увидим, что та же совесть привела его даже на плаху. А между тем жизнь, в особенности жизнь того времени, отличалась крайней разнузданностью и рисовала полные соблазна картины в ответ на волнения и требования горячей молодой крови. Мор ударился в противоположную сторону: он стал укрощать свою плоть и думал о монастыре. Кто читал «Утопию», тот знает, как чист и наивен взгляд Томаса Мора на половые отношения и как он в этом случае далек был собственно от аскетизма. Относительно же монашества он скоро разочаровался: монахи поразили его своею беспутной жизнью. Он перестал посещать их. Но тем не менее мучивший его вопрос оставался неразрешенным; он стал искать человека, перед которым мог бы излить свою душу и который мог бы служить ему опорой, и сошелся с Джоном Колетом, деканом при церкви Св. Павла, проповедовавшим тогда с большим успехом в Лондоне. В одном из писем к нему Томас Мор между прочим пишет: «Я снова, точно подталкиваемый какой-то непреодолимой силой и потребностью, погрузился во мрак, из которого вы извлекли меня. Ибо скажите, пожалуйста, что есть в этом городе такого, что помогало бы человеку вести добрую жизнь, а не заставляло бы его, как раз наоборот, постоянно падать и не толкало бы человека в пучину всевозможных пороков, человека, не жалеющего никаких сил, чтобы карабкаться по отвесным скалам добродетели? Что встречает он на своем пути: лицемерную любовь и сладкую, как мед, отраву лести; там жестокая ненависть, здесь вечные раздоры и таскания по судам; и там и здесь – мясники, повара, торговцы рыбой, живностью, пирожники, заботящиеся лишь о том, чтобы наполнить наши желудки!.. Самые дома и те как бы воздвигнуты для того, чтобы лишить нас неба; они своими кровлями ограничивают наш горизонт...» Борения эти для такого человека, как Мор, неизбежно должны были кончиться или женитьбой, или монашеством, и Мор предпочел, как прекрасно замечает Эразм, жизнь честного семьянина разпутной жизни развратного монаха.

Мор стал рано писать: первые его стихи и эпиграммы на латинском и английском языках относятся ко времени студенчества. Стихи эти весьма посредственны. Они имеют значение лишь в биографическом отношении: в них отражается религиозное настроение, в каком находился Мор в ту пору под влиянием жестоких борений страстей, хотя, особенно в эпиграммах, прорывалась уже и тогда его веселая и остроумная насмешка. По окончании курса наук он прочел, между прочим, публичную лекцию о «De civitate Dei» Августина, на которой присутствовали многие выдающиеся умы того времени, и произвел эффект. Обширные познания и сильный логический ум сделали Мора скоро известным в кругу тогдашних ученых, а знакомство с Эразмом (1498 год) сблизило его с гуманистами других стран. Чуть ли не восемнадцати лет Мор имел уже литературных врагов. О нем говорили в Лондоне, Лувене, Париже; он был признан членом республики избранных, гуманистов, и вступил в переписку с ними. Но вся его литературная слава была еще, собственно, впереди. Как человеку бедному, Морю не приходилось долго совершенствоваться в науках: нужно было думать о средствах

к существованию. Он занялся адвокатурой. Насколько успешно шли его дела, мы знаем уже из письма Эразма. Благодаря своей доброй репутации среди лондонских граждан он попал в 1503 году в члены парламента. Это был его первый шаг на поприще политической деятельности; о нем мы расскажем ниже в особой главе, а теперь возвратимся к его домашней жизни.

Около этого же времени внутренняя борьба Мора закончилась женитьбой, и он стал семьянином. Мор был женат два раза. О первой его жене и жизни с нею мы знаем немного. К словам Эразма по этому поводу мне остается прибавить лишь, что, познакомившись с шотландской семьей Кольтов (Colte), Мор почувствовал симпатию ко второй дочери, но, не желая оскорбить и опечалить старшей, перенес свои чувства на последнюю и женился на ней (1505 год). Он прожил с нею около семи лет и имел четырех детей; роды четвертого ребенка, мальчика, свели ее в могилу. Во второй раз Мор женился в 1515 году на вдове Алисе Мидльтон, женщине уже немолодой и не особенно привлекательной, судя по характеристике Эразма и шутливым замечаниям самого Мора. «Она, – говорит Мор, – жалела огарка свечи, и вместе с тем ей достаточно было один раз надеть прекрасное бархатное платье, чтобы испортить его». При многочисленных занятиях, сначала в качестве адвоката, затем судьи и, наконец, приближенного Генриха VIII и канцлера, Мор не мог уделять много времени не только своей семье, но даже и своим литературным работам. Возвращаясь домой, он всегда старался поддерживать веселый тон: болтал с женой, с детьми, разговаривал с прислугой. «Все это необходимо делать, – говорит он, – если вы не хотите оказаться человеком чуждым в своем собственном доме. Старайтесь быть любезным с теми, кто сделался спутником вашей жизни благодаря выбору или случаю, или кровным связям; но при этом не следует переходить известной границы, не следует допускать, чтобы домашние сделались вашими господами».

Когда у Мора завязалась его роковая дружба с Генрихом VIII, он переселился в деревушку Челси, лежащую вверх по течению Темзы на расстоянии двух миль от Лондона. Здесь он приобрел себе прекрасный домик с садом, выходившим на Темзу. Семья Мора жила в деревне круглый год, а он сам наезжал, насколько позволяли его положение при дворе и капризы Генриха, требовавшего к себе Мора то как веселого собеседника, то как необходимого советника в государственных делах. Вначале он посещал свою семью несколько раз в неделю, но по мере того как росло расположение короля, ему приходилось все более и более ограничивать себя. В это время он почти совсем забросил свои занятия, библиотеку, зверинец; он не смел отлучаться из Лондона, ожидая ежеминутно посланца с приказанием явиться немедленно ко двору. При таких условиях Мору трудно было принимать непосредственно большое участие в воспитании своих детей. Но он руководил всем делом, принимая и личное участие, насколько позволяли обстоятельства. Если ему невозможно было приехать из Лондона, он писал письма и в них давал наставления. Вообще воспитанию и образованию детей в семейной жизни Мора было отведено громадное место, можно сказать, что оно играло преобладающую роль. Среди всех своих государственных и общественных забот он никогда не забывал, что на нем лежат обязанности отца.

В какие частности входит Мор, покажут нам несколько выдержек из его писем и предписаний. Нужно заметить, что письма эти относятся к тому времени, когда две старшие дочери были уже замужем, но жили также в Челси. Из этого, между прочим, мы можем уже заключить, как широко понимал Мор образование; оно далеко не прекращалось еще с выходом девушки замуж. В одном из писем он советует дочерям внимательно перечитывать то, что они пишут, каждую фразу в отдельности, каждое слово в отдельности, исправлять ошибки, снова перечитывать, снова переписывать. Такой совет теперь показался бы слишком скучным и педантичным; но не следует упускать из виду, что в то время английский литературный язык еще только вырабатывался, что тогда писали фразы длиной в целую страницу. В другом письме Мор хвалит своих дочерей за их письма, исполненные красноречия; но он

сожалеет, что они мало пишут ему о занятиях с младшим братом, о том, что они читают, как проводят время и так далее. В третьем письме он пишет, что его очень порадовал сын Джон (самый младший ребенок) своим веселым шуточным письмом, в котором на остроумие отца отвечает также остроумным словом, не забывая, однако, с кем он говорит.

В своих наставительных письмах Мор нередко дает разные указания по части житейского обихода и христианской кротости, объявляет войну мелочному тщеславию, все равно, проявляется ли оно у его зятьев, дочерей, у мадам Алисы или у сына Джона. Он осмеивает слишком старательную шнуровку, узкую талию, малую ножку и так далее и шутя замечает, что *Бог поступит несправедливо*, если не отправит в преисподнюю тех, кто больше заботится о том, чтобы нравиться миру и дьяволу, чем истинно благочестивые люди о том, чтобы угодить Богу. Ввиду своего высокого положения он особенно старается предохранить детей от честолюбивых помыслов, жажды богатства и так далее.

Любимым ребенком Мора была его старшая дочь Маргарита; в это время она являлась уже женой Ропера и матерью нескольких детей. О ней Мор, очевидно, заботился больше всего, и на ее примере мы можем судить о том, как широко смотрел он на женское образование. Маргарита являла собою настоящего ученого. Она в совершенстве владела латинским языком и переводила вполне свободно с английского на латинский и обратно собственные работы. Она перевела с греческого на латинский Евсевия, объяснила в Киприане одно место, над которым ломали головы все ученые того времени. Она любила также астрономию и ревностно занималась ею. И несмотря на всю свою ученость, несмотря на всю эту схоластическую ученость, как сказали бы мы в настоящее время, она не переставала быть заботливой матерью и женщиной.

Чем выше подымается Мор, тем чаще и чаще, как бы предчувствуя свой роковой конец, он обращается к религии, в ней пытаясь найти точку опоры. Его дом начинает мало-помалу походить на монастырь. Все получает религиозную окраску, как занятия, так и развлечения. День был строго распределен, и всякий занимался своим делом. Мужчины проводили время отдельно от женщин; все сходились только в часы общей еды, на молитву или во время чтений, под наблюдением главы семьи. За ужином читалась обыкновенно какая-либо назидательная книга, затем наступал черед беседы на душеспасительные темы и наконец – музыки. Все это сильно напоминает семейный строй утопийцев, как в том убедится ниже читатель.

Вообще нас не раз поразит еще замечательное совпадение разных, часто незначительных, сторон жизни Томаса Мора с идеалом общественной жизни, начертанным им в «Утопии». Биография Мора на первых же порах сделалась злополучной жертвой клерикального усердия не по разуму, и биографы старались в особенности подчеркнуть его преданность католичеству, поэтому можно было бы привести еще немало разных указаний на строгую религиозность, царившую в семье Мора. Но мы не пойдем за ними. Даже если согласиться, что Мор из своего дома устроил нечто вроде монастыря, где он священнодействовал и занимался душеспасительными проповедями, то все же придется признать, что это был монастырь, куда глава его считал себя обязанным являться с улыбкой на устах и шутивным приветствием на языке; это был монастырь, глава которого заставил свою подругу жизни, прозаическую Алису, научиться играть на флейте и монохорде, чтобы развлекать и утешать его; это был монастырь, где все стремились не к умерщвлению плоти (тут немало было детей), а к самосовершенствованию; это был монастырь, в стенах которого было признано и даже осуществлено равное право женщин на образование. Да, равное право. Послушайте, что Мор пишет по этому поводу в одном из своих писем. Ученость, говорит он, хороша лишь в соединении с добродетелью. В таком виде она представляется ему дороже всех сокровищ мира; но без добродетели она не имеет никакой прелести, даже более – она противна. Это в особенности надо сказать об ученых женщинах, которые вообще встречаются так редко. «Если женщина, – продолжает он, – совмещает некоторые знания с добродетелью, то я счи-

таю ее ученость благом высшим, чем богатство Креза и красота Елены. Различие пола не значит в данном случае ничего: когда собирают жатву, не спрашивают, какая рука обсемила поле. Разум отличает человека от животного. У кого есть разум, тот должен развивать его, то есть должен сеять семя мудрости на своем поле и выращивать добрые плоды. Если же у женщины, как говорят многие, эта почва неплодородна и производит одни только плевелы, то, по моему мнению, это служит только лишним поводом, чтобы исправить ошибку природы посредством усидчивого труда и настойчивых научных занятий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.